Н.В.Николенкова
Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

Славяно-латинские composita в переводе Атласа Блау

церковнославянский язык, лексика, сложные слова

Лексическую специфику церковнославянского языка с самого раннего периода его функционирования характеризует большое число двухосновных образований, являющихся кальками с греческого языка. Для XVII века сложные слова фиксируются в переводах с латинских оригиналов, чаще всего такие образования отмечаются в переводах Епифания Славинецкого и его товарищей. Выделяя их как один из признаков стиля «грекофилов», исследователи указывают на излишнюю «высоту, извитие словес» [Виноградов 1982: 17], употребление «торжественных, нередко искусственно составленных слов» [Камчатнов 2005: 257], в качестве примеров которых приводятся не прижившиеся в языке *разнопестровидный, адоплетенный, рукохудожествовать.*

Привлекая к исследованию латинский географический атлас, известный как Атлас Блау, переведенный Славинецким, Сатановским и Исайей Чудовским в конце 50-х гг. XVII в. [Николенкова 2016], мы не выявили указанной тенденции в этот ранний период деятельности книжников, намеренного риторического украшательства текста в переводе Атласа не отмечено. Этот перевод отражает новую для второй половины XVII в. тенденцию моделирования «ученого» регистра [Живов 2017: 874-887], что обусловливало свободу в использовании разных лексических средств. Базой для ученого регистра оказывается стандартный церковнославянский язык, представленных в сакральных текстах, а также язык грамматических сочинений.

Яркой иллюстрацией использования редкой, однако известной церковнославянскому языку лексемы будет такой пример: **такѡ *идолонеистовства*, и паганства быша держителе** (104; adeo *idolomaniæ* & ethnicismi fuere tenaces; 20a). Грецизм «idolomania» (εἰδωλομανία) чаще передается в церковнославянском как «идолобесие, идолобесование» [СДРЯ XI-XIV, 3: 448], однако с древнейших времен есть и отмеченное в нашем источнике: «Посылаеши просвѣщение спс҃ения сущимъ въ тьмѣ *идолонеистовьства* обьдьржимыимъ» (Мин.окт., 1096) [СлРЯ XI-XVII, 6: 86], то же чтение отмечаем в современном церковнославянском тексте службы Авраамию Затворнику (29.10 по ст.ст.). В печатной Минее 1645 г. зафиксировано словосочетание «идольскаго гнева» [Минея 1645: 416], однако далее было восстановлено сложное слово [Минея 1690: 335]. Славинецкий демонстрирует ориентацию на редкий церковнославянский композит, который впоследствии востребован церковнославянским языком, фигурируя и в Словаре Академии Российской [САР, 3: 204].

Примером ориентации на язык грамматики будет следующий пример: **Ханъ самъ, съсовѣтники ра҃сꙋ҃жаетъ въихже изложенїи *винословецъ* нетребꙋютъ** (50; Chanus ipse cum Consiliariis discernit. In quibus exponendis, *causidicis* non egent; 23b), двухосновное «causi–dicus» (‘стряпчий, поверенный, судебный защитник’) переведено поморфемно. При обращении к историческому словарю создается впечатление, что мы встречаемся с первым употреблением лексемы, так как все примеры относятся к более поздним текстам. «Винословие», «винословный» отмечается у Симеона Полоцкого в Беседах против протестантства, «винословный» - в Лексиконе трязычном Федора Поликарпова [СлРЯ XI-XVII, 2: 186-187]. Не отмеченной в словаре оказывается фиксация в созданном Славинецким и Сатановским ранее перевода Атласа Блау Лексиконе латинском: «Causificor. Винословлю. Causatio. Винословіе» [Німчук 1973: 116]; несмотря на использование этого источника при составлении

СлРЯ XI-XVII вв. [Словарь 2004: 323]. Однако первым употреблением оказывается терминологическое – «винословным» назван один из разрядов союзов, выделенный в грамматике Смотрицкого издания 1619 г. и московского [Кузьминова 2000: 387; Кузьминова 2007: 315]. Как славянизм в значении ‘приводить доказательства; рассуждать о чем-л.’ лексема встречается в XVIII в., однако терминологическое значение выступает на первый план, в САР она описана как ‘показывающій, содержащій въ себѣ причину’, а «винословный союзъ» приведен как иллюстрация [САР, 1: 700].

Таким образом, при создании ученого регистра Славинецкий с товарищами опираются на уже существующие в церковнославянском языке лексические единицы, активизируя по мере возможности редко используемые. Безусловно, не менее активно идет и создание композитов на основе словосочетаний латинского текста. В главе «Глатзъ» отмечен пример: **симже** ***оумонапрѧженїемъ*** (91об; ea vero intentiome; 12а). В данном случае Славинецкий основывался на позднем и специфическом значении латинского «intentio», сопряженном с оттенком значения «verus» (не не только ‘истинный’, но и ‘разумный’[1].

Однако не все авторские окказионализмы оказываются достаточно прозрачными по смыслу. К примеру, в главе «Полония» читаем: **Петрїоковїа, народнѣ Петрковъ** ***правдорѣчны*** ***м*** ***соборомъ*** **наипаче славенъ** (64об; Petricovia, vulgo Piotrkow, *juridico* convent maxime celebris; 31а). Здесь создание сложного слова казалась связано с выстраиванием ученого регистра; предлагавшиеся ранее в Лексиконе варианты «судний, законний» [Німчук 1973: 247] показались, вероятно, не соответствующими стандартному церковнославянскому языку. По той же модели построен перевод латинского «jurisconsultus» - ***праведносовѣтникъ*** (176 об), что демонстрирует еще одну черту работы переводчиков над Атласом – вариативность в переводах одного и того же корня. Чаще Славинецкий и его товарищи предлагают разные варианты в виде глосс на полях, однако в Атласе глоссирование практически отсутствует.

Наиболее интересными случаями сложных слов в переводе Атласа Блау оказываются те, которые сформированы без опоры на латинский композит, Славинецкий стремится максимально точно передать авторским образованием смысл источника. К примеру, в главе «Дания» **Кімврѧнское вѝталїю** ***вонношествїе*** (30) соотносится с латинским «Cimbrorum in Italiam expeditio» (10b), где при переводе книжник показал, что значение 'набег, экспедиция, поход’ для «expeditio» соотнесено именно с военной сферой. В той же главе «ingenium» переведено как ***остроумїе*** в соответствии с одним из значений – ‘способности, дарования, ум, остроумие, проницательность ума’. Эта лексема встречается в текстах, особенно периода XVI-XVII вв. [СлРЯ XI-XVII, 13: 163], однако широкого распространения не получает. В Лексиконе латинском Славинецкий использует для перевода латинизма варианты «разумъ, ѡстроумие» [Німчук 1973: 236], но в связном тексте переводчик остановился на сложном слове.

Общее число композитов в переводе сравнительно невелико, к примеру, в главе «Европа» на 2600 слов 11 двухосновных лексем, все они известны церковнославянскому языку и широко употребляются в книжных текстах. Отметим, что уже в древнейших восточнославянских переводах выделялись две группы: в Александрии и Житии Андрея Юродивого сложных слов значительно меньше, чем в Пчеле и Истории Иудейской войны [Пичхадзе 2016: 284-286], то есть переводчики по-разному воспроизводили яркую особенность стандартного регистра церковнославянского

[1] Мы хотим выразить благодарность коллегам с кафедры классической филологии МГУ им. М.В. Ломоносова, в первую очередь доц. Я.Л.Забудской, за консультации в анализе латинского текста Атласа.

языка. Перевод Атласа Блау использует композиты как маркер ученого книжного регистра, барочное украшательство в данном случае не предполагалось.

При сплошном анализе Атласа мы выявили еще одну интересную особенность при создании композитов: большинство их появляется при опоре на слово греческого происхождения. При этом при переводе Лексикона в таких случаях предлагались варианты – поморфемный перевод или транслитерация. К таким лексемам относится, к примеру, «monarchia». В Лексиконе предложены варианты: «monarcha. мона(р)ха, единонача(л)никъ. monarchia. единоначалие» [Німчук 1973: 272]. Эти варианты в переводе Атласа Блау отсутствуют, поиск привел к созданию нового варианта – **самоначаліє** (глава «Азия»: **Поставленна ꙁдѣ *самоначаліѧ*, и повелителства** (180об; constitutæ hic Monatchiæ & imperia; 8а)).

Другой пример создания окказионализма на основе грецизма в латинском источнике отмечаем в главе о Баварии: **Граждане Єгранстіи *водомедъ варѧтъ*** (83об; cives Egrani *hydromeli* coquunt; 6d). «Hydromeli», то есть ‘медовый напиток’ в лексиконе передается словосочетанием «медъ пити(й)» [Німчук 1973: 221]. Однако в переводах с греческого языка корень «υδρο-» передается обычно вариантом «водо-» [СДРЯ, 1: 454]. По одной из самых типичных для церковнославянского языка моделей с первым элементом «благо-» создается композит в таком случае: **потомъ ради *блг҃гласіа* Єѵξінъ нареченъ** (50; postea propter *euphoniam* Euxinus appellatus; 23а), опорным также оказывается грецизм. Надо сказать, что образование «благогласие» отмечено только в Мусикийской грамматике Николая Дилецкого 1681 г. [СлРЯ XI-XVII, 1: 196], наш пример более ранний.

Создание сложных слов является одной из особенностей лексической структуры перевода Атласа Блау наряду с использованием архаичных лексем, характеризующих в предыдущие эпохи южнославянские переводы, и введении грецизмов, в том числе вводят не отмеченных в переводах предшествующего периода [Николенкова 2017]. При этом мы считаем эти особенности сознательным подходом переводчиков, моделированием нового регистра церковнославянского языка.

Литература

Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков / В.В.Виноградов. – М.: Высшая школа, 1982. – 528 с.

Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / сост., подг. текста, научн. комментарий и указатели Е.А.Кузьминовой. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 528 с.

Грамматика 1648 г. / предисл., научн. коммент., подг. текста и сост. указателей Е.А.Кузьминовой. – М.: МАКС Пресс, 2007. – 624 с.

Живов В.М. История языка русской письменности: в 2 т. / В.М.Живов. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. – 1285 с.

Камчатнов А.М. История русского литературного языка: XI – первая половина XIX века / А.М.Камчатнов. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 688 с.

«Лексіконъ латинский» Є. Славинецького та «Лексикон словено-латинський» Є. Славинецького та А. Корецького-Сатановського / підгот. до вид. В.В.Німчук. – Київ: Наук. Думка, 1973. – 540 с.

Минея служебная. Октябрь. - М.: Печатный двор, 1645. – 456 л.

Минея служебная. Октябрь. - М.: Печатный двор, 1690. – 377 л.

Николенкова Н.В. Русская географическая терминология во «Ввождении в Космографию»: Лингвистический аспект / Н.В.Николенкова // Историческая география. – 2016. – Т. 3. – С.108-145.

Николенкова Н.В. Лексическая структура перевода Атласа Блау как образец ученого церковнославянского языка XVII в. / Н.В.Николенкова // Мир науки, культуры, образования. – 2017. – № 4 (65) (в печати).

Пичхадзе А.А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект / А.А.Пичхадзе. – М.: НП «Рукописные памятники Древней Руси», 2011. – 408 с.
Словарь Академии Российской (САР). – СПб., 1789–1794.
Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. – М., 1988 – наст. вр.
Словарь русского языка XI–XVII вв. – М., 1975 — наст.вр.
Словарь русского языка XI–XVII вв. Справочный выпуск. – М.: Наука, 2004. – 814 с.